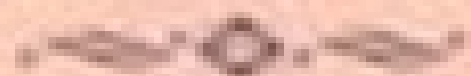

Washington Irving
The Spectre Bridegroom
and Other Tales

Вашингтон Ирвинг
Жених-призрак
и другие повести

Annotation

На одной из горных вершин Оденвальда, дикой и романтической области в южной части Германии, лежащей близ слияния Майна и Рейна, в давние, давние годы стоял замок барона фон Ландсхорта. Теперь он пришел в совершенный упадок, и его развалины почти полностью скрыты от взоров буковыми деревьями и темными соснами, над которыми, впрочем, еще и поныне можно видеть сторожевую башню, стремящуюся, подобно своему бывшему владельцу, – его имя я назвал выше, – высоко держать голову и посматривать сверху вниз на окрестные земли....

- [Вашингтон Ирвинг.](#)

◦

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке TheLib.Ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Вашингтон Ирвинг.

Жених-призрак

*Тот, для кого весь в яствах стол стоит,
Тот, мне сказали, недвижим лежит!
Вчера при мне он в горнице прилег,
А нынче стлал ему седой клинок.
Сэр Эджер, сэр Грейм и сэр Грей-Стил*

На одной из горных вершин Оденвальда, дикой и романтической области в южной части Германии, лежащей близ слияния Майна и Рейна, в давние, давние годы стоял замок барона фон Ландсхорта. Теперь он пришел в совершенный упадок, и его развалины почти полностью скрыты от взоров буковыми деревьями и темными соснами, над которыми, впрочем, еще и поныне можно видеть сторожевую башню, стремящуюся, подобно своему бывшему владельцу, – его имя я назвал выше, – высоко держать голову и посматривать сверху вниз на окрестные земли.

Барон был последним отпрыском великого рода Каценеленбоген [*] и унаследовал от предков остатки угодий и их тщеславие. Хотя воинственные наклонности предшественников барона и нанесли непоправимый урон фамильным владениям, он тем не менее старался поддерживать видимость бывшего величия. Времена были мирные, и германская знать, покидая свои неуютные замки, прилепившиеся к горам, точно орлиные гнезда, строила себе удобные резиденции в плодородных долинах. Барон, однако, гордо отсиживался наверху в своей маленькой крепости, поддерживая с наследственным упорством старые родовые распри и вражду, завещанную ему прапрадедами, и находясь по этой причине в дурных отношениях с некоторыми из своих ближайших соседей.

Барон был отцом единственной дочери; природа, дарящая людям единственного ребенка, сторицей вознаграждает родителей, создавая настоящее чудо, – так было и с баронскою дочерью. Нянюшки, кумушки и окрестные родичи уверяли отца, что такой красавицы не найти в целой Германии, а кому же лучше знать о таких вещах, как не им? К тому же она выросла под неусыпным наблюдением двух незамужних тетушек, живших некогда, в дни своей молодости, при одном крошечном немецком дворе и отлично осведомленных во всем, что требуется для воспитания знатной

дамы. Следуя их указаниям, она превратилась в верх совершенства. К восемнадцати годам она научилась восхитительно вышивать и изобразила на коврах целые жития святых, причем выражение их лиц было до того строгим, что они скорее походили на души чистилища. Она могла также почти свободно читать и разобрала по складам несколько церковных легенд и почти всю "Книгу героев" [*] с ее нескончаемыми чудесами и подвигами. Она сделала значительные успехи даже в письме: умела подписать свое имя, не пропустив ни единой буквы и так разборчиво, что тетушки читали ее подпись, не прибегая к очкам. Она преуспевала и в рукоделии, снабжая дом изящными дамскими безделками всякого рода; была искусна в самых сложнейших новейших танцах, наигрывала на арфе и гитаре немало романсов и песен и знала наизусть все трогательные баллады миннезингеров.

Ее тетушки – в дни молодости ужасные кокетки и ветреницы – были, можно сказать, предназначены к роли бдительных стражей и строгих судей поведения своей юной племянницы, ибо нет более чопорных и неумолимых дуэний, чем состарившиеся кокетки. Они почти не спускали с нее глаз; она никогда не выходила из замка без большой свиты, или, вернее, охраны, и ей постоянно внушали правила благопристойности и беспрекословного послушания; а что касается мужчин, то – боже милостивый! – ее научили держать их на таком почтительном расстоянии, относиться к ним с таким недоверием, что без надлежащего дозволения она не посмела бы взглянуть даже на самого красивого кавалера в мире – да, да! – не посмела бы, даже если бы он умирал у ее ног.

Прекрасные результаты такой системы были очевидны. Молодая девушка могла служить образцом послушания и благонравия. В то время как ее сверстницы растрчивали свое девическое очарование среди мирской сумятицы и мишуры, так что нежный цветок его мог быть сорван и потом выброшен какой-нибудь безжалостною рукой, она застенчиво и целомудренно, как роза между шипами-телохранителями, расцветала под бдительным оком добродетельных старых дев и превратилась, наконец, в прелестную девушку. Тетушки поглядывали на нее с гордостью и торжеством, похваляясь, что, хотя всем другим юным девам на свете недолго споткнуться, с наследницей рода Каценеленбоген, благодарение небу, ничего подобного случиться не может.

Хотя барону Ландсхорту и не посчастливилось иметь много детей, все же за его стол садилась куча народу, так как судьба с избытком наградила его бедными родственниками. Все они, как один, обладали характером пылким и привязчивым, что вообще свойственно небогатой родне; все обожали барона и пользовались любым подходящим случаем, чтобы

налетать к нему целыми стаями и оживлять своим присутствием замок. Свои семейные торжества эти славные люди неизменно справляли за счет барона и, угостившись властью, уверяли, будто на всей земле нет ничего поприятнее, чем эти семейные встречи, чем эти праздники сердца.

Несмотря на свой малый рост, барон обладал великой душой, и она пыжилась от удовольствия, сознавая, что в окружающем его крошечном мире ему принадлежит первое место. Он любил растекаться в длинных-предлинных рассказах о доблестных воинах доброго старого времени, чьи портреты хмуро глядели со стен, и нигде он не находил таких внимательных слушателей, как среди тех, кто кормился за его счет. Он всею душою тянулся к чудесному и безоговорочно верил бесконечным легендам и сагам, которыми в Германии славятся любая гора и долина. Его гости были, впрочем, еще простодушней и слушали эти рассказы с широко раскрытыми глазами и ртами, причем никогда не забывали выразить свое изумление, хотя бы им в сотый раз приходилось выслушивать то же самое.

Так вот и жил барон фон Ландсхорт, оракул у себя за столом, абсолютный монарх в пределах принадлежавшей ему небольшой территории и сверх всего счастливец, глубоко убежденный в том, что он – мудрейший человек своего века.

В момент, с которого собственно и начинается моя повесть, в замке происходило очередное сборище родственников, съехавшихся на этот раз по исключительно важному поводу: предстояло встретить жениха, избранного бароном для дочери. Между отцом невесты и одним престарелым дворянином-баварцем было достигнуто соглашение, ставившее своею целью объединить славу их благородных имен заключением брака между детьми. Предварительные переговоры протекали со всеми подобающими формальностями. Молодые люди были помолвлены, ни разу не повидав друг друга; уже был назначен день свадьбы. Молодой граф фон Альтенбург был вызван с этой целью из армии и в данное время находился в пути, направляясь в замок барона, чтобы из его рук получить невесту. Задержавшись по непредвиденным обстоятельствам в Вюрцбурге, он прислал оттуда письмо с указанием дня и часа своего прибытия.

В замке начались оживленные приготовления к приему долгожданного гостя. Прекрасную невесту наряжали с необычайною тщательностью. Тетушки, которым принадлежала верховная власть во всем, что касалось ее туалета, спорили из-за каждой принадлежности ее свадебного наряда целое утро. Используя их распрю, молодая девушка последовала указаниям своего вкуса, который, по счастью, оказался хорош. Она была так

прелестна, как только мог пожелать юный жених. Тревога ожидания делала ее еще привлекательней.

Краска румянца, вспыхивавшая на ее лице и на шее, учащенное дыхание, колыхавшее грудь, глаза, время от времени погружавшиеся в задумчивость, – все свидетельствовало о нежном волнении, царившем в ее сердечке. Подле нее неизменно продолжали свои хлопоты тетушки, ибо незамужние тетушки проявляют особенный интерес к делам этого рода. Они преподали ей целую кучу благоразумных советов, наставляя ее, как держаться, что говорить и каким образом встретить своего суженого.

Барон был не меньше других занят приготовлениями. Сказать по правде, его вмешательства вовсе не требовалось, но этот живой, суетливый от природы маленький человечек не мог оставаться бездеятельным среди царившей вокруг суматохи. С невероятно озабоченным видом метался он по всему замку, непрерывно отрывая слуг от работы и увещевая их проявить как можно больше усердия; его жужжание, доносившееся из всех зал и всех комнат, было столь же докучливо и неугомонно, как жужжание большой синей мухи в разгар знойного летнего дня.

Между тем зарезали заранее откормленного теленка, леса огласились гиканьем охотников, кухня была завалена отменной провизией, из подвалов извлекались целые океаны рейнвейна и ферневейна, даже на большую Гейдельбергскую бочку [*] была наложена некая контрибуция. Все было готово к приему бесценного гостя с обычным для немцев веселым и шумным гостеприимством. А гостя все нет как нет: он запаздывал. Час проходил за часом. Солнце, еще недавно освещавшее своими косыми лучами могучие леса Оденвальда, теперь золотило уже только самую кромку горных вершин. Барон поднялся на свою самую высокую башню и напрягал зрение в надежде увидеть где-нибудь в отдалении графа и его спутников. Однажды ему показалось, будто он уже видит их; из долины послышался звук рогов, подхваченный горным эхом. Далеко, далеко внизу можно было различить всадников, медленно подвигавшихся по дороге; почти достигнув подножия горы, они внезапно повернули и поскакали в другом направлении. Угасли последние лучи солнца, в наступивших сумерках замелькали летучие мыши; дорогу уже едва можно было различить, на ней не было никого, кроме крестьян, устало тащившихся по домам после дневных трудов.

В те самые часы, когда старинный замок Ландсхорт пребывал в тревоге и беспокойстве, тут же, в Оденвальде, но несколько в стороне, произошло событие большой важности.

Молодой граф фон Альтенбург безмятежно совершал свой путь той

легкой размеренной рысью, какая подобает человеку, едущему жениться и знающему, что благодаря заботам друзей он избавлен от хлопот и сомнений в исходе своего сватовства и его ждет невеста – ждет так же несомненно, как по окончании томительного пути его несомненно ожидает обед. В Вюрцбурге он встретился с товарищем по оружию, некоторое время служившим вместе с ним на границе. Это был Герман фон Штаркенфауст, славившийся среди немецкого рыцарства необычайной силой и благороднейшим сердцем. Он возвращался ныне из армии. Замок его отца находился неподалеку от старинной крепости Ландсхорт, но обе семьи издавна враждовали между собою и никогда не общались. Обрадованные неожиданной встречей, молодые люди повели речь о своих успехах и похождениях, и граф, среди прочего, сообщил также историю своей предстоящей женитьбы на девушке, которой он никогда не видал, но которую ему описали как редкостную красавицу.

Так как друзьям предстояло ехать в одном направлении, они решили проделать остаток пути сообща и, не желая торопиться, выехали на рассвете из Вюрцбурга, причем граф велел своей свите последовать за ним несколько позже и в дороге нагнать его.

Они коротали путь в воспоминаниях об эпизодах боевой жизни и былых похождениях; впрочем, граф, рискуя наскучить своему собеседнику, снова и снова принимался описывать прославленную красоту своей нареченной невесты и говорить о счастье, которое его ожидает.

Беседуя таким образом, они начали подниматься на один из самых глухих и лесистых перевалов Оденвальда. Известно, что леса Германии всегда так же кишмя кишели разбойниками, как замки ее – нечистою силой; в то время, о котором здесь повествуется, число первых еще более возросло за счет беглых солдат, слонявшихся по стране. Никто поэтому не увидит ничего необычайного в том, что наши всадники подверглись в лесной глуши неожиданному нападению шайки этих бродяг. Они доблестно защищались, но их силы были уже на исходе, когда на выручку к ним подоспела графская свита. При виде ее разбойники разбежались, успев нанести графу смертельную рану. Медленно и бережно доставили его обратно в Вюрцбург; из соседнего монастыря был вызван монах, славившийся своим умением врачевать с равным успехом и тело и душу: впрочем, первое искусство оказалось излишним – часы несчастного графа были уже сочтены.

Перед смертью он попросил своего друга немедленно отправиться в замок Ландсхорт и объявить роковую причину, из-за которой он не мог явиться к невесте в назначенный срок. Не будучи чересчур страстно

влюблен, он был человеком в высшей степени аккуратным, и теперь, видимо, его очень заботило, чтобы это поручение было быстро и учтиво исполнено. "Если это не будет сделано, – сказал он, – я не смогу спать спокойно в могиле". Он произнес эти слова с особой торжественностью. Просьбу умирающего, высказанную при столь трагических обстоятельствах, следовало уважить. Штаркенфауст постарался его успокоить: он обещал в точности выполнить его волю и в подтверждение своих слов протянул ему руку. Умирающий пожал ее в знак благодарности и вскоре после этого впал в беспамятство. В бреду он говорил о невесте, о своих обязательствах перед нею, о данном им слове, требовал, чтобы к нему подвели коня, на котором он сейчас же поскачет в замок Ландсхорт, и скончался, воображая, будто садится в седло.

Штаркенфауст вздохнул о безвременно погибшем товарище, смахнул с глаз скупую слезу солдата и предался размышлениям о весьма неприятной миссии, выпавшей на его долю. Он брался за нее с тяжелым сердцем и со смятением в мыслях, ибо ему предстояло явиться в качестве незваного гостя к недругам и омрачить их празднество роковым для их радужных упований известием. Впрочем, в душе его пробудилось известное любопытство, и ему захотелось взглянуть на прославленную красавицу Каценеленбоген, столь ревниво скрываемую от света. Нужно сказать, что он принадлежал к числу страстных поклонников прекрасного пола, к тому же ему были свойственны эксцентричность и предприимчивость, так что любое приключение увлекало его до безумия.

Перед тем как покинуть Вюрцбург, он заключил с монастырской братией необходимое соглашение о погребальных обрядах над его другом, которого предполагалось похоронить в местном соборе, рядом с его славными родичами; глубоко опечаленная графская свита взяла на себя заботу о его бранных останках.

Однако пора возвратиться к древнему роду Каценеленбоген, члены которого, нетерпеливо ожидавшие гостя, еще нетерпеливее ждали обеда, а также к достойному маленькому барону; мы оставили его в час вечерней прохлады на сторожевой башне замка.

Спустилась ночь, но гостя все еще не было. Барон сошел с башни в отчаянии. Обед, который откладывался с часу на час, дольше не терпел отлагательства. Мясные кушанья перепрели, повар выходил из себя, гости своим видом напоминали гарнизон крепости, сдавшейся из-за голода. Барону волей-неволей пришлось распорядиться подавать на стол, несмотря на отсутствие жениха. Но как раз в ту минуту, когда все, усевшись уже по местам, готовились приступить к долгожданному пиру, звук рога,

раздавшийся у ворот, возвестил о прибытии путника. Еще раз протяжно протрубил рог, и старые дворы замка наполнились эхом. Стража подала со стены ответ. Барон заторопился навстречу своему нареченному зятю.

Спустили подъемный мост, путник подъехал к воротам. Это был рослый красивый всадник на вороном скакуне. Лицо его покрывала бледность, глаза горели романтическим блеском, на всем его облике лежала печать благородной грусти. Барон был слегка обижен, что гость приехал один, без подобающей случаю пышности. На какое-то (правда, очень короткое) время он почувствовал себя оскорбленным и готов был рассматривать этот факт как недостаток уважения к столь значительному событию в жизни столь значительного семейства, с которым гость должен был породниться. Впрочем, он тотчас же успокоился и решил, что это все нетерпение молодости, побудившее жениха опередить свою свиту.

– Я весьма сожалею, – начал путник, – что врываюсь к вам в столь неподходящее время...

Барон прервал его бесчисленным количеством приветствий и поздравлений, ибо, надо сказать, он всегда гордился своею любезностью и своим красноречием. Гость попытался было раза два или три остановить поток его слов, но это оказалось тщетной попыткой, и ему пришлось склонить голову и предоставить барону свободу действий. Между тем барон сделал первую паузу только тогда, когда они прошли во внутренний двор; здесь путник снова попытался заговорить, но его намерению помешало появление женской половины семьи вместе с оробевшей и зарумянившейся невестой.

Он взглянул на нее и замер, как зачарованный; казалось, что в его взгляде пылает душа и что его навеки приковал к себе ее милый девический образ. Одна из ее незамужних тетушек шепнула ей что-то на ухо, девушка сделала усилие, чтобы заговорить; она робко подняла свои влажные голубые глаза, бросила застенчивый и в то же время пытливый взгляд на незнакомого рыцаря и тотчас же отвела его в землю. Она не вымолвила ни слова, но на устах ее заиграла улыбка, на щеках появились легкие ямочки – и это доказывало, что она отнюдь не разочарована. Впрочем, было бы странно, если бы столь изящный и привлекательный кавалер не пришелся по сердцу восемнадцатилетней девице, весьма благосклонной к любви и замужеству.

Поздний час исключал возможность немедленного открытия переговоров. Барон был по-прежнему неумолимо любезен и, отложив беседу делового характера до утра, повел гостя к еще не тронутому столу.

Он был накрыт в большом зале замка. На стенах висели портреты

суровых героев из рода Каценеленбоген, а также трофеи, добытые ими на полях сражений и на охоте. Нагрудники с прогибами от ударов, сломанные турнирные копья, изорванные в клочья знамена и тут же рядом – добыча лесных боев: кабаньи и волчьи пасти, грозно оскалившие свои клыки среди самострелов и бердышей, и огромные рога матерого оленя, разветвлявшиеся прямо над головой юного жениха.

Впрочем, рыцарь, по-видимому, не замечал ни окружавшего его общества, ни обильного угощения. Он едва прикоснулся к еде и, казалось, был всецело поглощен своею невестой. Он говорил совсем тихо, так, чтобы его не могли услышать соседи, ибо любовь никогда не говорит полным голосом; но разве существует на свете столь нечуткое женское ухо, которое не уловило бы самого невнятного шепота, если он исходит из уст возлюбленного? В его манере говорить сочетались сдержанность и нежность, что, видимо, произвело на девушку сильное впечатление. Она слушала его с глубоким вниманием, и на щеках ее то вспыхивала, то угасала краска румянца. Время от времени она стыдливо отвечала ему на вопросы, а когда он отводил глаза в сторону, решалась украдкой бросить взгляд на его романтическое лицо и неслышно вздохнуть от избытка счастья и нежности. Было очевидно, что молодые люди полюбили друг друга. Тетушки – а кому, как не им, знать толк в сердечных делах? – решительно заявили, что и он и она прониклись любовью с первого взгляда.

Ужин протекал весело или во всяком случае шумно, ибо гости были счастливыми обладателями того благословенного аппетита, который дружит с пустыми кошельками и горным воздухом. Барон рассказывал самые лучшие и самые длинные из своих историй, и никогда он не рассказывал их так хорошо или по крайней мере с большим эффектом. Если в них попадалось что-нибудь сверхъестественное, его слушатели тотчас же начинали охать и ахать, если фривольное – хохотали и как раз там, где это требовалось. Барон, надо признаться, подобно большинству великих людей, был до того преисполнен сознания собственного достоинства, что никогда не снисходил ни до какой иной шутки, кроме разве в высшей степени плоской. Но она неизменно подкреплялась бокалом отличного хокхеймера; а когда стол уставлен веселым старым вином, самая плоская шутка хозяина становится неотразимой. Много всякой всячины было выложено другими – не такими богатыми, зато более остроумными – шутниками; остроты их, впрочем, неповторимы, и воспроизвести их можно было бы, пожалуй, лишь в сходных условиях; много лукавых речей, сказанных на ушко женщинам, заставили их корчиться от еле

сдерживаемого смеха, а один бедный, веселый и круглолицый кузен проревел несколько песенок, заставивших девственных тетушек укрыться за веерами.

Среди этого шумного пиршества молодой рыцарь сохранял какую-то совершенно особенную и неуместную тут серьезность. На его лице все явственней проступало выражение глубокой подавленности; по-видимому, как это ни странно, остроты барона еще больше усугубляли его тоску. Порой он впадал в задумчивость, а порою, напротив, глаза его беспокойно и безостановочно блуждали вокруг, выдавая, что ему как-то не по себе. Его беседа с невестой становилась все серьезнее и загадочнее; на ее чистом, безмятежном челе стало собираться хмурое облачко, по ее чувствительному, нежному телу время от времени пробегала легкая дрожь.

Все это не могло ускользнуть от внимания окружающих. Их веселье было отравлено непонятной мрачностью жениха; она проникала в их души. Они начали перешептываться, обмениваться тревожными взглядами, пожимать плечами и покачивать головой. Песни и смех стали раздаваться все реже; все чаще общую беседу прерывали зловещие паузы; вслед за ними потянулись диковинные истории и таинственные легенды. Один страшный рассказ влек за собою другие, еще более страшные. Наконец барон довел нескольких дам почти до истерики своей повестью о всаднике-призраке, похитившем прекрасную Ленору, – эта жуткая, но правдивая история переложена была впоследствии в великолепные стихи и обошла в таком виде весь свет [*].

Жених выслушал повесть с глубоким вниманием. Он устремил на барона пристальный взгляд и, когда рассказ подошел к развязке, начал медленно подниматься с места; он становился все выше и выше, и замороженному взору барона почудилось, будто он превратился чуть ли не в великана. Как только повесть была закончена, рыцарь тяжело вздохнул и торжественно попрощался с присутствующими. Все были изумлены. Барона, казалось, поразил гром.

Как? Покинуть замок в полночный час! Но ведь все готово к его приему; если ему желательно отдохнуть, то его обкидает опочивальня.

Гость мрачно и загадочно покачал головой.

– Этой ночью, – сказал он, – этой ночью мне надлежит почивать в другом месте.

В ответе и в тоне голоса говорившего заключалось нечто, от чего сердце барона сжалось; он собрался, однако, с духом и повторил свое гостеприимное приглашение.

Гость молчаливо, но решительно отклонил его просьбу, махнул на

прощанье рукой и медленно направился к выходу. Тетушки просто окаменели; невеста опустила головку, в ее глазах заблестели слезы.

Барон последовал за своим гостем; они вышли на главный замковый двор, где, роя копытом землю и нетерпеливо пофыркивая, стоял вороной скакун жениха. Дойдя до ворот, глубокую арку которых тускло освещал факел, гость на мгновение остановился и глухим, мертвенным голосом, приобретавшим под сводами еще более замогильный оттенок, сказал:

– Теперь, когда мы одни, я могу объяснить причину моего отъезда. Я связан священным, нерушимым обязательством...

– Но почему же, – прервал барон, – вам не послать кого-нибудь вместо себя?

– Заменить меня не может никто... я должен явиться лично... мне нужно вернуться в Вюрцбург, в собор...

– Если так, – сказал воспрянувший духом барон, – почему же не сделать этого завтра? Завтра вы повезете с собою невесту.

– Нет! Нет! – воскликнул гость еще торжественней, – мои обязательства совершенно иного рода... и невеста тут ни при чем... Черви, черви ожидают меня. Я – мертвец... меня убили разбойники... мое тело покоится в Вюрцбурге... в полночь меня предадут погребению... меня ждет могила... я обязан сдержать обещание.

С этими словами он вскочил на своего скакуна, вихрем пронесся по подъемному мосту, и топот конских копыт затих в завываниях ветра.

Возвратившись в зал в состоянии крайней растерянности, барон рассказал обо всем происшедшем. С двумя дамами приключился самый что ни на есть настоящий обморок, остальные похолодели от ужаса при мысли о том, что они пировали с призраком, вышедшим из могилы. Одни высказались в том смысле, что это был, наверное, дикий охотник, которому принадлежит столь видное место в германских поверьях, тогда как другие толковали о горных духах, леших и иных сверхъестественных существах, с незапамятных времен неотступно преследующих добрый немецкий народ. Один из бедных родственников отважился намекнуть, что это просто-напросто забавная выходка юного кавалера и что самая мрачность его причуды вполне согласуется с глубоко меланхолическим обликом юноши. Это предположение, однако, навлекло на смельчака негодование всего общества, в особенности барона, окинувшего его таким взглядом, как если бы он был псом неверующим, так что гостю пришлось поскорей отречься от своих еретических мыслей и вернуться в лоно истинной веры.

Но каковы бы ни были возникшие было сомнения, на следующий день они разрешились, так как прибыло послание, подтвердившее сведения об

убийстве юного графа и о его погребении в соборе города Вюрцбурга.

Легко представить себе, какой ужас охватил обитателей замка. Барон заперся у себя. Гости, прибывшие для того, чтобы разделить его радость, не могли, конечно, покинуть его в беде. Они слонялись по двору или собирались кучками в зале, покачивали головой, пожимали плечами, ужасаясь несчастьем, свалившемся на столь достойного человека, а потом сидели за столом дольше обычного и с еще большим рвением, чем обычно, ели и пили, желая поддержать в себе бодрость духа. Но наиболее грустным было, несомненно, положение овдовевшей невесты. Потерять супруга, прежде чем она успела обнять его, и притом... какого супруга! Ведь если призрак его обладает таким изяществом и благородством, то чем был бы живой жених! Своими жалобами она наполняла весь дом.

На вторые сутки своего вдовства она отправилась почитать к себе в комнату в сопровождении тетушки, пожелавшей провести ночь вместе с нею. Тетушка – одна из лучших на всей немецкой земле рассказчиц историй с участием привидений – долго тянула какую-то длинную-предлинную повесть и заснула на середине ее. Комната была уединенная и выходила окнами в небольшой сад. Племянница не спала; она задумчиво глядела, как лучи восходящей луны трепетали на листьях осины у самого переплета оконной рамы. Башенные часы только что пробили полночь, как вдруг из сада полились нежные, мелодичные звуки. Девушка поспешно встала с постели и бесшумно скользнула к окну. В тени деревьев виднелась высокая мужская фигура. Когда незнакомец поднял голову, его лицо осветил лунный луч. О Небо! Пред нею стоял жених-призрак... В то же мгновение за нею раздался пронзительный крик: тетушка, которую разбудила музыка и которая тихонько последовала за своей юной племянницей, упала на ее руки. Когда девушка снова посмотрела в окно, призрака в саду уже не было.

Оказалось, что из этих двух представительниц прекрасного пола теперь в уходе и попечении нуждается главным образом тетушка, ибо со страху она окончательно потеряла голову. Что же до юной невесты, то даже призрак ее возлюбленного – и тот казался ей милым. В нем заключалось как-никак какое-то подобие мужской красоты, и хотя тень мужчины едва ли способна удовлетворить пылкие чувства жаждущей любви девушки, но раз нет ничего посущественнее, то и в ней можно найти чуточку утешения. Тетушка заявила, что не станет спать в этой комнате; в свою очередь и племянница, впервые в жизни выказав непослушание, столь же решительно заявила, что не станет спать ни в каком другом помещении замка, из чего последовал вывод, что ей придется спать в одиночестве. При этом она взяла

с тетушки обещание не разглашать истории с призраком и не лишать ее последней оставшейся ей на земле горькой отрады, а именно, занимать комнату, у которой тень ее милого выстаивает ночами на страже.

Как долго могла бы держать свое слово добрая старая дама, сказать невозможно, – она обожала тараторить про всякие чудеса, и если бы ей удалось раньше других рассказать об этой жуткой истории, ее ожидал бы настоящий триумф. Впрочем, в этих местах еще и поныне в качестве достопамятного примера женской сдержанности ссылаются на то обстоятельство, что тетушка боролась с искушением в течение целой недели, пока как-то за утренним завтраком с нее не были сняты дальнейшие ограничения, ибо обнаружилось, что юная дева бесследно исчезла. Ее комната была пуста, постель не смята, окно раскрыто – птичка упорхнула!

Изумление и тревогу, порожденные этим известием, могут вообразить только те, кто когда-либо присутствовал при суматохе, которую несчастья великого человека вызывают между его друзьями. Даже бедные родственники – и те прервали на время свои неутомимые труды за обеденным столом. Вдруг тетушка, которая в первую минуту потеряла дар речи, всплеснула руками и вскрикнула:

– Призрак... призрак... ее унес призрак! В немногих словах рассказала она о жуткой сцене в саду и закончила утверждением, что невесту, бесспорно, похитил призрак. Двое слуг подкрепили это предположение; они показали, что приблизительно в полночь слышали у подножия горы цоканье конских копыт; то был, без сомнения, призрак, на вороном скакуне умчавший невесту в могилу. Присутствующим ничего иного не оставалось, как допустить вероятность этой ужасной догадки, ибо случаи подобного рода не представляют в Германии ничего необычного, что подтверждается великим множеством вполне достоверных рассказов.

До чего же плачевно было положение бедняги барона! Душераздирающая дилемма предстала теперь перед ним, нежным отцом и представителем достославного рода Каценеленбоген. Одно из двух: либо его дочь, его единственное дитя, похищена мертвецом, либо ему предстоит иметь зятем кого-нибудь из лесных духов, а внучатами, чего доброго, – выводок лешенят. Как обычно, он потерял голову и поставил весь замок на ноги. Людям было приказано седлать лошадей и обшарить все дороги, тропы и доли Оденвальда. Сам барон, облачившись в ботфорты и препоясавшись мечом, приготовился было вскочить на коня, чтоб пуститься в безнадежные поиски, но неожиданное событие задержало его отъезд.

На роскошно убранном иноходце к замку подъехала какая-то дама и

сопровождавший ее верхом кавалер. Подскакав к воротам, она спешила, бросилась в ноги барону и прильнула к его коленям. То была его пропавшая дочь, а вместе с ней жених-призрак. Барон остолбенел. Он взглянул на дочь, взглянул на призрака – и усомнился было в свидетельстве своих чувств. С женихом, надо сказать, после посещения им царства духов произошла чудесная перемена. На нем было роскошное платье, выгодно оттенявшее его благородное мужественное сложение. Он не был уже ни бледным, ни скорбным. Его прекрасное лицо дышало юношескою свежестью, в его больших черных глазах бегали неукротимо веселые огоньки.

Тайна вскоре полностью разъяснилась. Кавалер (вы ведь чувствовали на протяжении всей повести, что ее герой вовсе не призрак) объявил, что он – Герман фон Штаркенфауст. Он рассказал о гибели юного графа, о том, как он торопился в замок с печальным известием, как красноречие барона помешало ему изложить его грустную повесть, как его с первого взгляда обворожила невеста, как, сгорая от желания провести рядом с ней хотя бы несколько часов, он решил молчать и не открывать истины, как ломал себе голову, дабы отступить, соблюдая благопристойность, пока барон своими историями о призраках не подсказал ему, наконец, странный способ удалиться. Он сообщил также о том, что, из опасения перед старинною фамильною распрей, стал повторять свои посещения тайно, как приходил в сад под окна юной девицы, как добивался ее взаимности, добился ее, увез, наконец, красавицу из дому и, короче говоря, обвенчался с нею.

При других обстоятельствах барон был бы неумолим, ибо ревниво относился к своей родительской власти и, кроме того, отличался редким упрямством, если дело касалось застарелой семейной вражды. Но он любил свою дочь, он оплакивал ее, как погибшую, и теперь радовался, обретя целой и невредимой; правда, муж ее происходил из враждебного рода, но зато, благодарение небу, не имел ничего общего с призраками. В проделке рыцаря, выдавшего себя за покойника, заключалось, надо признаться, нечто не вполне совпадавшее с представлением о безупречной правдивости, но некоторые из старых друзей барона, которым в свое время пришлось побывать на войне, убедили его, что в любви прощительна всякая хитрость и что кавалер имел на нее тем большее право, что совсем недавно оставил службу в войсках.

Итак, все уладилось как нельзя лучше. Барон тут же на месте простил молодую чету. Празднества в замке возобновились. Бедные родственники приняли нового члена семьи с радушием и любезностью: он был так учтив, так благороден и так богат. Тетушки; правда, были немного сконфужены,

что проводившаяся ими система затворничества и беспрекословного послушания нисколько не оправдала себя, но приписали это своей небрежности, состоявшей будто бы в том, что они не прибили к окнам решеток. Одна из них никак не могла примириться с мыслью, что страшный рассказ ее безнадежно испорчен и что единственный призрак, который ей случилось увидеть, оказался подделкой; что же касается ее юной племянницы, то она, по-видимому, была бесконечно счастлива, обнаружив, что призрак состоит из самой что ни на есть настоящей плоти и крови. Здесь повести нашей – конец.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке TheLib.Ru](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)